

Шукшин много лет готовился к главной своей работе — фильму «Степан Разин». Известно, что он изучал старые книги, костюмы, в поисках типажей вглядывался в портреты людей того времени. Выбирал натуру в Казани, Волгограде, Астрахани. Но вот чего никто не знал, да и предположить не мог: оказывается, Шукшин для своего фильма еще и песни писал!

В.М. Шукшин во время экспедиции по выбору мест для натурных съемок фильма «Степан Разин». Ростов Великий, 1971

КОНВОЛЮТЫ БАТЫРЕВА

Тексты и ноты трех песен Шукшина обнаружили сотрудники Государственного музея истории литературы, культуры и искусства Алтая среди бумаг известного на Алтае хореографа Александра Павловича Батырева.

Елена Огнева, заместитель директора ГМИЛИКА по научной работе, рассказала:

— Семей архив хореографа нам был передан ценный архив Батырева, в котором было много нотных рукописей, кустарным способом сшитых в конволюты. По характеру музыкального материала мы поняли, что эти ноты использовались хореографом в постановочной работе. Неожиданно для нас самих среди записей танцев народов мира и другой танцевальной музыки мы обнаружили три песни, на которых значилось: «Слова В. Шукшина».

СТИХИ ШУКШИНА

Шукшин писал стихи. Есть воспоминания Ольги Румянцевой: под новый, 1961-й, год, Шукшин у нее дома читал стихи. Румянцева не могла понять — чьи? И вдруг ее осенило: так свои стихи читает Шукшин!

«Это было совершенно неожиданно, я не знала, что Шукшин пишет стихи...» — вспоминала она. О ком были те стихи, Румянцева не запомнила. А вот Александр Макаров, участник состоявшейся в 1963 году поездки «Молодые кинематографисты — народу», рассказывал, что в Сростках Шукшин читал землякам стихи именно о Разине.

В восьмом томе изданного на Алтае собрания сочинений Шукшина опубликованы тринадцать его стихотворений.

Часть стихов — «вспомогательные»: Шукшину по сюжету понадобилось сочинить что-то для рассказа, он и сочинил.

— Вот так номер! Вот так так! —

Это не по правилам.

Были-были...

Напылили.

А потом —

Пропали... —

поет Гена Пройдисвет в одноименном рассказе.

А мы не будем кланяться

В профиль и анфас,

В золотой оправушке

Да мы кладем на вас... —

это стихотворение Шукшин использовал в рассказе «В профиль и анфас».

Стихотворение «Тары-бары-растобары» написано для романа «Любавины», а потом как песня попало в фильм «Калина красная».

Прямого указания на Разина ни в одном из тринадцати стихотворений нет. Однако в стихотворении «Это было давно» исследователи угадывают разинские мотивы:

Это было давно...
Колоколило небо.
Землю, как грудь,
Распинали конём...

«Распинать — древний способ казни, пригвоздить ко кресту. Использование этого глагола указывает на воплощение «разинской» темы: так, в романе «Я пришел дать вам волю» сам герой рассматривает дело всей своей жизни и свою смерть (четвертование) как близкие к Христовой жертве и его страданиям...» — говорится в комментарии к стихотворению.

Тут можно придрататься — как это: распять конем? Как можно конем пригвоздить ко кресту? При первоначальной публикации (в газете «Молодежь Алтая» в 1989 году) было: «распирали конем», этот образ вернее. В собрании сочинений опубликован записанный на слух вариант, который Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина читала на Пикете в 1998 году. Видимо, Лидия Николаевна была неточна.

Относить это стихотворение к «разинской» теме — натяжка. Там есть, например, такие строки:

Голова ты моя —

Чердак славянский,
С богатырских плеч
Покатилась
В анютины глазки...

«Чердак славянский» — это Шукшин явно не о Разине, а о себе. Стихотворение, скорее всего, необработанные мысли, заготовка.

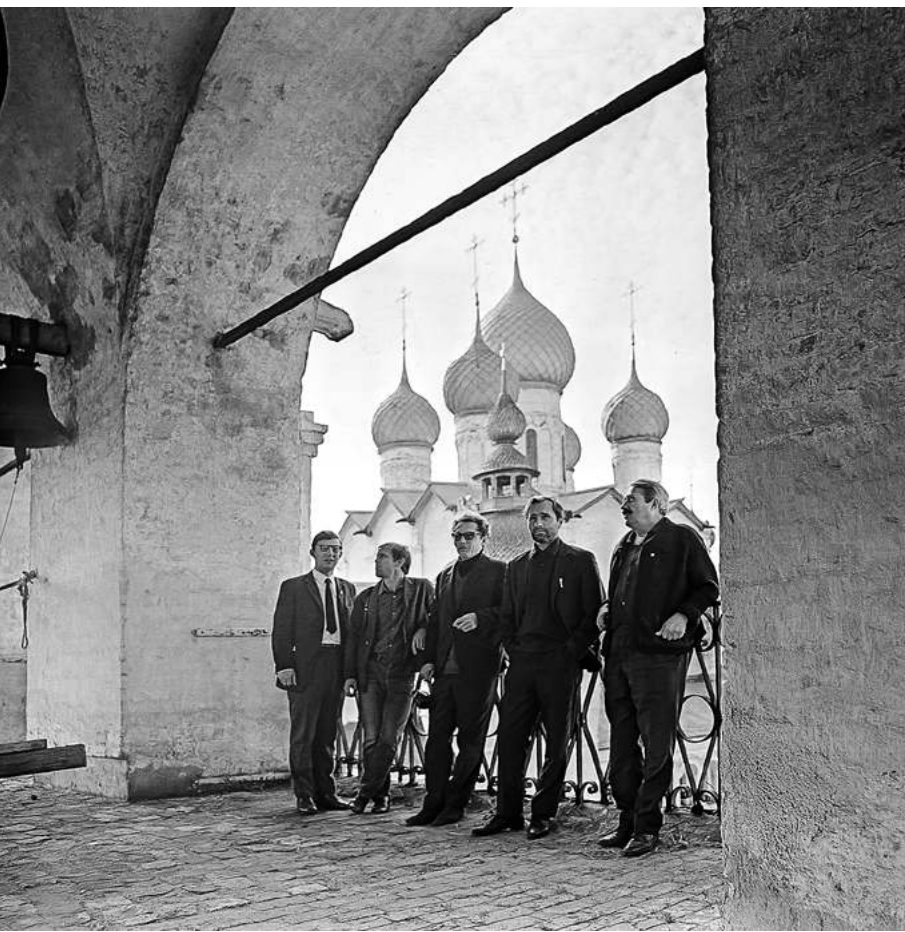
То есть из тринадцати известных стихотворений Шукшина ни одно не может считаться со всей определенностью «разинским» — написанным для романа или для фильма о Степане Разине.

В «СТЕПАНЕ РАЗИНЕ» ШУКШИН ХОТЕЛ СПЕТЬ

Найденные в музее песни — свидетельства того, как глубоко Шукшин погружался в работу, ничего никому на откуп не отдавал, все сам — вплоть до песен.

Песен три — «Ох, по рюмочке мы пьем», «Баллада о донском казаке» и «На восходе было». Логично было поискать их в романе «Я пришел дать вам волю» — и они там нашлись!

«Балладу о донском казаке» запевают гребцы в самом начале романа, выгребая в море. Правда, есть разница: в найденных в музее нотах первая строка «Не великой там огонь — да эй, да эй», а в романе — «Не великий там огоньшек стоит» [Шукшин, 2009, т. 4, с. 21].

В.М. Шукшин во время экспедиции по выбору мест для натурных съемок фильма «Степан Разин». Ростов Великий, 1971

Нотные листы из коллекции хореографа Александра Батырева. Фонды ГМИЛИКА

«На восходе было солнца красного» и «Ох, по рюмочке мы пьем» — эти песни поют казаки на разинском застолье перед вступлением в Астрахань [Шукшин, 2009, т. 4, с. 41].

Теперь самый интересный вопрос — сочинил ли Шукшин эти песни или использовал народные? Едва ли не единственным человеком, который может что-то об этом сказать, остается Анатолий Дмитриевич Заболоцкий. Я ему позвонил. Анатолий Дмитриевич оказался в госпитале, но на вопросы ответил. Привожу нашу беседу полностью.

— Анатолий Дмитриевич, у нас в музее нашли ноты песен Шукишина. Мы пытаемся понять, могут ли это быть его песни. Можно я текст зачитаю?

— Ну зачитай...

(Читаю первые строки песни «Ох, по рюмочке мы пьем».)

— Это песни не им написанные, а из сборников казачьих, у него было их много, он их собирал. Это взято из сборников. Из библиотек разных. Он собирал много литературы. У него на корабле (на теплоходе «Дунай». — *Прим. С. Т.*) было 98 названий книг. Много очень было куплено в Новочеркасске. Он собирал книги по истории патриарха Никона. Это же противоречивая история, он хотел разобраться в ней. То, что ты прочитал, — это не им сочиненное, а отобранное из сборников.

— То есть это не стилизация шукишинская, а из старых книг?

— То, что он мог их переделать на свой лад, — это вполне могло быть. Могут быть стилизованные куски — этим он занимался: сокращал, сдвигал их. И всегда спрашивал: звучит?

— Василий Макарович был музыкальный человек?

— Да. С очень красивой окраской голоса. Не похожей на большинство профессионалов. К сожалению, он почти не использовал свой голос в работе. Только собирался.

— Он хотел в «Степане Разине» сам петь?

— Конечно. Там бы он не раз пел. Со Стырем прощание — эта сцена должна была песней заканчиваться. И он один собирался петь.

— Он при вас какие-то песни напевал?

— Много раз. Из народных. Много напевал для «Печек-лавочек» для Павла Чекалова. Практически все мелодии в «Печках-лавочках» — из народных. Многие из них вырезали, шесть месяцев ведь делали «Печки-лавочки», в первом варианте больше было.

— На нотах написаны фамилии композиторов — Аверкин и Лаптев, вы таких не помните?

— Не помню. По фамилиям не помню. Музыкантов много разных к нему лнуло. Но он очень серьезно относился к Чекалову. Паша в то время был очень чуткий.

Вообще, в его тетрадях должны быть записи песен.

Он при мне хотел сделать пластинку — спеть с девочками подрастающими (дочерьми. — *Прим. С. Т.*) современные песни, народные, это было бы очень интересно. Они пели с ним разные песни, разобравшись на голоса, очень красиво звучало. Ольга тогда очень здорово пела «Не плачь, девочка». А он на пластинке хотел спеть «Из-за острова, на стрежень». Его сморщил (не дал это сделать. — *Прим. С. Т.*) тогда Бондарчук. То костюм подбирать, то еще что...

Мне году в 1977-м предлагал покойный сейчас Коля Губенко: «Давай доснимем «Степана Разина». А я ему отвечал: «Что доснимем — ни одного кадра не сняли, одни заготовки». Я Коле сказал: «Я не буду и тебе не советую. А если захочешь, пиши свой сценарий. А этот не трогай». Там было столько вариантов, такая работа... Коля потом мне сказал: «Хорошо, что мы не вляпались в это»...

КОРНИ

Итак, это стилизация. Но тогда должны быть «исходники». Я начал их искать и, к своему удивлению, нашел.

«Баллада о донском казаке» основана на старой казачьей песне, которую Шукшин прочитал, скорее всего, в сборнике дореволюционного собирателя казачьего фольклора Евграфа Петровича Савельева.

Шукшинский текст таков:

Не великой там огонь — да эй, да эй,
Горит огонь, горит — да эй,
Да в поле-полюшке, ох, гроб,
Да в полюшке, эх, гроб стоит,
В гробу удалой казак, да удалой, в гробу лежит,
У резвых ножек чуден крест, эй,
Да в полюшке стоит стоит, ит-да, эй да
Ох, женушка родная, да, казака домой не жди.
Ох, женушка родная, казака домой не жди.
Прощались казаки, да эй,
Да с другом верным во степи, да эй,
Да саблю острую, коня, эх да,
В память сыну от меня,
Перстень Аннушке родной, эх да, эх,
Слал казак домой,
Ох, над Доном, над рекой, да эй,
Да полетел орёл степной, да эй,
Да солнце красное встаёт.
Да звонка труба поёт,
Труба звонкая поёт,
Да казаков в поход зовёт.

А вот текст из книги Савельева:

Не великий там огоньшек горит,
То-то в поле кипарисный гроб стоит;
Во гробу лежит удалой молодец,
Во резвых ногах ему чуден крест,
У буйной головушки душа — добрый конь.
Как и долго ли в резвых ногах стоять,
Как и долго ли жёлты пески глотать?
Выбил яму по колено он.
Конь мой, конь, товарищ верный мой!
Ты веселие моё в чистом поле!
Беги, мой конь, ты к моему двору,
Беги ты, конь мой, все не стежкой,
Ты не стежкой, не дорожкой;
Беги, мой конь, тропинкою,
Ты тропинкою всё звериною,
Куда травушка-ковылушка лежит,
Там холодная крениченька бежит.
Злодей турчин не поймает тебя
И татарин не оседлает тебя.
Пробеги ж, конь, к моему ты двору,
Вдарь копытом у вереички;
Выдет к тебе старая вдова,
Старая вдова, родная мать моя;
Станет тебя про сына спрашивати:
«Не убил, не утопил ли ты его?»
«В чистом поле положил-то я его».
«Ты скажи: мой сын жениться захотел?»
«Обнимает поле чистое теперь».

Очевидно и сходство, и то, что Шукшин основательно перелопатил текст.

Шукшинский текст песни «На восходе было» таков:

На восходе было...
 Эх, не на землю, эх, не на землю...
 ...солнца красного
 Не буйны ветры
 Не на воду подымались,
 Не сине море...
 Во казачий круг на уречную эх да
 ...всколыхалось.
 Не фузеюшка...
 На головушку что да эх да
 ...в поле грянула,
 Люта змея в поле свистнула,
 в поле свистнула.

Эх, пулька падала,
 Эх, не на землю,
 Эх, не на землю,
 И не на воду.
 Она падала, пуля,
 Во казачий круг
 На урочную-то на головушку,
 Что да на первого да есаулушку...

Тот, кому кажется, что в тексте как-то все смешалось, смысл рвется, не ошибается — текст переписан с нот, в нотах отмечены партии солиста и хора, отсюда и разрывы смысла. В остальном же это еще одна песня из собрания Евграфа Петровича Савельева.

Песня «Ох, по рюмочке мы пьем» у Шукшина такова:

Ох, по рюмочке мы пьем,
 По другой мы, братцы, ждём,
 Как хозяин говорит,
 За кого мы будем пить.

Припев:
 Эх да, пей, казак,
 Пей горьку водочку.
 Выходи пляши, выходи пляши
 На серёдочку.

А хозяин говорит:
 «Ох, за тех мы будем пить —
 За военных молодцов,
 За донских казаков».

Припев:
 Эх да, пей, казак,
 Пей горьку водочку.
 Выходи пляши, выходи пляши
 На серёдочку.

Исходный текст отыскан в сборнике «Песни донских казаков» (А. Листопадов «Песни донских казаков», т. 1, ч. 1, Музгиз, 1949). Это вариант зачина песни «Ой как и жил да был-то Микитка» (с. 111).

Ой, по рюмочке пьем,
 По другой мы, братцы, ждём;
 Как хозяин говорит:
 «За кого мы будем пить,
 За кого мы будем пить?»

А хозяйка говорит:
 «За то мы будем пить:
 За военных молодцов,
 За донских казаков.
 За донских казаков!»

Нотные листы из коллекции хореографа
 Александра Батырева. Фонды ГМИЛИКА

Шукшин немного подшлифовал песню, досочинил к ней припев — и такой она вошла в «Степана Разина», как кусок цветного стекла в витраж собора.

Ноты шукшинских песен изучил известный на Алтае музыкант Михаил Стюхин. Я спросил его мнение о музыке.

— Я для себя посмотрел эту музыку. Довольно простые гармонии, мелодия, которую можно подхватить. Она не выдающаяся, но, возможно, в контексте фильма и надо было попроще, ближе к обстановке, к простонародному... — сказал Михаил Тимофеевич.

КОМПОЗИТОРЫ

На нотах песен «Баллада о донском казаке», «На восходе было» написано: «муз. В. Лаптева». На нотах песни «Ох, по рюмочке мы пьем» значится: «муз. А. Аверкина».

Аверкин Александр Петрович — гармонист, с 1970 года — художественный руководитель ансамбля Москонцерта «Рождение песни». Автор музыки многих песен, самая известная из которых — «На побывку едет».

А вот единственный подходящий Лаптев, которого я нашел, — это Валентин Александрович Лаптев, музыкант и композитор, работавший в Архангельске, Свердловске, Оренбурге и Краснодаре.

Оба композитора — народники, Аверкин работал с Зыкиной, Лаптев в Краснодаре руководил Кубанским казачьим хором. Где и как состоялось их знакомство с Шукшиным, как ноты этих песен попали к Батыреву, неизвестно. Но зарекаться не стоит — мало ли еще по музеям неразобранных конволютов.

Автор благодарит за содействие Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая и лично Елену Огневу. ❏